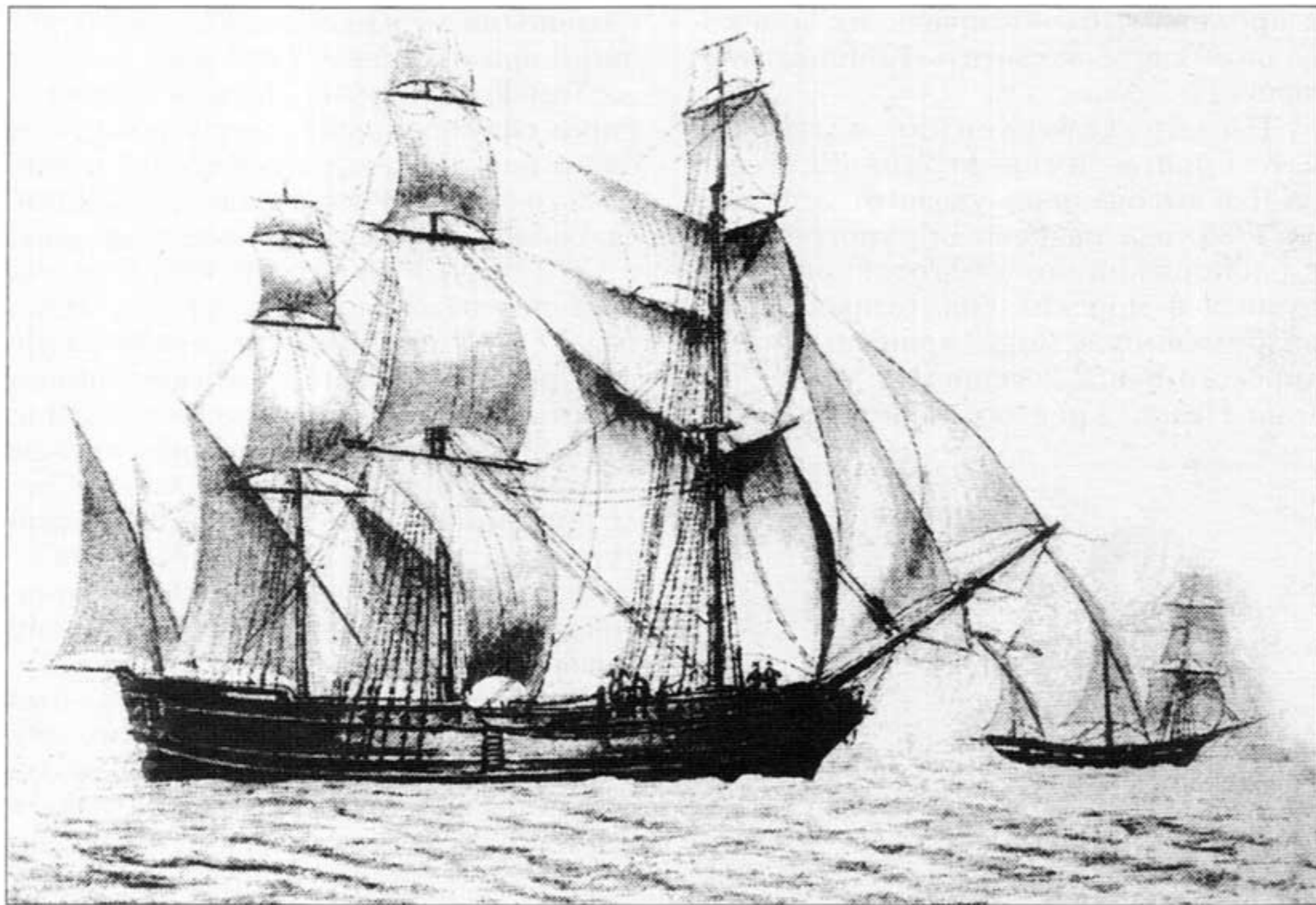

Корсар Ламбро Качони и русские крейсерские флотилии на Средиземном море (1788–1791)

С.Д. КЛИМОВСКИЙ

Фрегат «Минерва Северная» — флагманский корабль корсарской флотилии Л. Качони (Пряхин Ю.Д. Ламброс Качонис. СПб.: Алетейя, 2004)

В ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов военные действия на сухопуте велись в основном в северо-западном Причерноморье, Молдавии, районе Анапы на побережье Кавказа и в южном течении Дуная. Черноморский флот России активно боролся с превосходящими силами турецкого флота, одержав под командованием адмирала Ф.Ф. Ушакова ряд блистательных побед.

Еще в начале этой войны в Петербурге родился план нанесения ударов по Турции не только на Черном, но и на Средиземном море, из района греческого Архипелага. Наряду с дипломатическими шагами, «для диверсии неприятелю» началась подготовка экспедиции эскадры Балтийского флота под командованием адмирала С.К. Грейга, с целью оттянуть на себя часть турецких морских сил и тем самым облегчить действия Черноморского фло-

© С.Д. Климовский, 2010

та. К ее формированию в составе 15 линейных кораблей и шести фрегатов приступили осенью 1787 года. При этом использовался опыт первой Архипелагской экспедиции 1769—1774 годов.

На следующем этапе планировалось развернуть активные боевые действия против турецких средиземноморских эскадр, прекратить подвоз товаров к проливам, блокировать их и в конечном счете захватить Константинополь¹.

По представлению адмирала С.К. Грейга, императрица Екатерина II в высочайшем указе от 3 февраля 1788-года разрешила «употребить... к распоряжению» подготовкой сухопутных и морских сил, отправляемых в Средиземное море, капитана бригадирского ранга Российского флота Антона Псаро. Грек по национальности,

Ламбро Качони
(Ламброс
Кацонис)

поверенный в делах России на Мальте, кавалер ордена Святого Георгия, он был снабжен Грейгом инструкциями и отправлен в Италию сухим путем. А. Псаро хорошо знал тамошние места и имел обширные связи с «одноземцами». Туда же направлялся и бригадир князь Василий Мещерский из отряда сухопутных войск под командованием генерал-майора Бауера, предназначенного к отправке в Средиземное море на эскадре Грейга².

Согласно высочайшему повелению от 12 февраля 1788 года, командующим российскими сухопутными войсками на Средиземном море назначался «правлящий должность» владимирского и кос-

тромского генерал-губернатора, герой Русско-турецкой войны 1768—1774 годов генерал-поручик И.А. Заборовский. Ему предписывалось убыть к месту назначения сухим путем через Италию. Для выполнения миссии Заборовскому выделялся аккредитив на 17 тысяч венецианских червонных, две тысячи голландских или австрийских червонных наличными — на сопровождающих его лиц и чрезвычайные расходы³.

Тем временем на Черном море набирал силу военный талант героя греческого народа Ламброса Кацониса, или, как его звали в России, Ламбро Качони. Уроженец греческого города Левадия, в 1770 году, в 18-летнем возрасте, он поступил волонтером на эскадру адмирала Г.А. Спиридова, действовавшую на Средиземном море, горяжеланием бороться за освобождение своего народа от османского ига. Военная служба Л. Качони протекала сначала на Средиземноморье, а по окончании Русско-турецкой войны 1769—1774 годов — в Керчи. Выполнял он также дипломатические поручения в Персии. Качони завоевал авторитет среди высшего руководства и его благодарность, был щедро награжден, стал лично известен князю Г.А. Потемкину, который по достоинству оценил способности грека и в дальнейшем оказывал ему покровительство⁴.

В самом начале Русско-турецкой войны 1787—1791 годов капитан Балаклавского греческого пехотного полка Л. Качони оказался под Очаковом. 18 сентября 1787 года князь Г.А. Потемкин направил командующему Лиманской флотилией контр-адмиралу Н.С. Мордвинову «ордер», в котором извещал, что «капитан Ламбро Качони и самые те греки, что убежали в Кинбурн с флота очаковского (турецкого. — Авт.), желают и просят быть употреблены в действиях против турков». Набралось 50 человек, которые не страшились никакой опасности, готовых на все, только бы нанести неприятелю чувствительный вред. Удовлетворив их пожелания, Потемкин предписал Мордвинову вооружить небольшое судно и передать его грекам⁵.

Вскоре Л. Качони стал командиром корабля со звучным именем «Князь Григорий Потемкин Таврический» и приступил к боевым действиям. Днем 8 октября с моря к Очакову пришли два купеческих судна, груженных пшеницей. Одно стало на якорь по западную сторону батареи Гассан-паши, а второе — близ крепости. Контр-адмирал Н.С. Мордвинов выслал в ночь Л. Качони на шлюпке, чтобы взять «языка» и привести к Лиманской эскадре судно, находящееся под охраной пушек батареи. Подойдя к нему, греки увидели, что оно стоит на мели, а все люди бежали на берег. Качони ничего не оставалось, как поджечь турецкий транспорт, а «для ободрения людей к будущим предприятиям» Мордвинов распорядился премировать экипаж шлюпки 100 рублями — огромной по тем временам суммой⁶.

В ночь на 11 октября Мордвинов вновь послал Л. Качони и Спиро Ричардопуло (командир судна «Пчела»⁷) взять на берегу «языка» и захватить очередное турецкое судно, пришедшее днем к Очакову. Пленив транспорт, его повели к русской эскадре. Остальные неприятельские суда «убежали в море», так что посланные вдогонку русские шлюпки не могли их догнать⁸. Боевые успехи Л. Качони оценили высоко, и в конце 1787 года он получил чин майора⁹.

Следует заметить, что к середине октября 1787 года на русскую службу на Азовском море поступило 21 греческое судно со шкиперами и командой. Капитан 1 ранга С.А. Пустошкин снабдил их артиллерией с комендорами, боезапасом, выдал жалованье за два месяца, а деньги на провиант — за три месяца. Погрузив в Таганрогском порту разные припасы и материалы, такелаж, паруса, лес и морской провиант, Пустошкин 20 октября вышел с караваном в Керчь и далее в Севастополь¹⁰.

В феврале следующего года Н.С. Мордвинов для вооружения корсарских судов выдал 16 патентов, в том числе три майору Л. Качони и один греческому дворянину Марину Скорзели. Качони объявил, что использует

свой «Князь Потемкин Таврический», а Скорзели — что вооружит судно «Св. Михаил»¹¹. В кампаниях 1788—1790 годов в боевых действиях Черноморского флота участвовало более десятка корсарских судов.

Борьба с Турцией на Средиземном море до прибытия эскадры С.К. Грейга с Балтики возлагалась на корсарские флотилии, суда которых должны были плавать под русским военным флагом. В число основных задач входило отвлечение на себя части сил турецкого флота (чтобы их не перебросили на Черное море), нарушение морских коммуникаций турок, затруднение снабжения Константинополя и вооруженных сил Оттоманской Порты¹². По решению князя Г.А. Потемкина Л. Качони, как «весьма отважный и храбрый человек», направляется в Триест с задачей формирования флотилии корсарских судов для «действий оною против неприятельских судов под российским военным флагом»¹³.

В Триесте Л. Качони на собственные средства, частные пожертвования и с помощью греческой общины купил, вооружил и укомплектовал вольнонаемной командой трехмачтовое судно, мало чем отличающееся от фрегата, которому присвоили имя «Минерва Северная»¹⁴.

В середине февраля 1788 года в Триесте побывал австрийский император Иосиф II, который осмотрел в порту суда, в том числе и корабль Л. Качони. В разговоре со свитой император заявил, что фрегат ему понравился больше, чем снаряжавшиеся австрийцами в Триесте десять корсарских судов. 28 февраля Л. Качони из Триеста отправил генерал-фельдмаршалу князю Г.А. Потемкину письмо, в котором сообщал, что в этот день выходит на корабле «Минерва Северная» в крейсерство («корсировать против турков»). Вслед за Качони на соединение с ним в море выходили еще два судна¹⁵.

Крейсируя в Архипелаге, «Минерва Северная» захватила два небольших судна под турецким флагом — «кирлангицы» (кирлангич), вооруженные шестью и двумя орудиями, построенные

ких флотилиях, а из-за своих качеств, в частности быстроходности и маневренности, отлично зарекомендовали себя в военных действиях¹⁸.

Турецкий флот, сосредоточенный в Босфоре и Дарданеллах, не стремился перейти в Черное море. Он находился в состоянии кризиса. По сведениям, добытым для Л. Качони его осведомителями, между капудан-пашой и визирем возникла серьезная распря. Отправляясь в армию, визирь даже намеревался умертвить капудан-пашу, о чем тому сообщили его шпионы. Командующему турецким флотом ничего не оставалось, как укрыться на время во дворце французского посла в Константинополе¹⁹.

23 апреля 1788 года Качони со своей маленькой флотилией из четырех кораблей (пятый остался в Цефалонии) вновь вышел в Архипелаг. Спустя неделю, 30 апреля, в 11 ч дня близ побережья Мореи было обнаружено трехмачтовое судно под турецким флагом, за которым началась погоня. Судно бежало к о. Занте, но флотилия Л. Качони, догнав его и не подпустив к берегу, до глубокой ночи вела с ним бой. Турки отчаянно оборонялись, но к утру 1 мая их судно было захвачено. Корабли греков получили повреждения и потеряли несколько человек.

Экипаж турецкого судна, помимо турок, составляли алжирцы, «борборезцы», «кандиоты» и «тулчениоты». Все они оказались морскими разбойниками, разорявшими местных христиан. Из 170 человек после боя в живых остались только 80, которых греки, в отмщение за их кровавые преступления и в назидание другим разбойникам, лишили жизни...

Когда все закончилось, на захваченном призе, при соблюдении «должного обряда», подняли русский флаг. Из 24 пушек турки выбросили за борт 14 медных. Дорожа временем и видя, что на судне большая течь, греки, сняв оставшиеся орудия и некоторые другие принадлежности, сожгли его. Местные христиане были весьма довольны, что Л. Качони настиг и победил турецкое судно, причинявшее им столько бед²⁰.

В письме с о. Занте, датированном 3 мая 1788 года, Л. Качони известил князя Г.А. Потемкина, что ныне под его началом оказалось десять судов, захваченных в качестве призов в Архипелаге. Все они были вооружены и в составе корсарской флотилии занялись крейсерством. Эскадра С.К. Грейга еще не покинула Балтику, а по всем турецким владениям уже разнеслась молва, что Архипелаг полон российскими военными кораблями²¹.

По-видимому, Л. Качони своими действиями превысил данные ему полномочия, поскольку 23 мая 1788 года Екатерина II подписала высочайший указ адмиралу С.К. Грейгу. Для предотвращения происходящих «непорядков от некоторых из арматоров», которым «под нашим гюйсом» разрешалось вести поиск неприятеля, императрица повелела отправить в Средиземное море флота капитана генерал-майорского ранга С.С. Гиббса, снабдив его соответствующими инструкциями. Последние были разработаны на основе правил для «арматоров», статьи 18-й рескрипта к генерал-поручику И.А. Заборовскому от 7 марта 1788 года и указаний Екатерины II, чтобы арматоры воздерживались от «притеснения» нейтральных подданных и действовали только против неприятеля. Гиббсу предписывалось доставить «справедливое удовлетворение» судовладельцам, «озлобленным» на действия русских корсаров. Он поступал, до прибытия эскадры С.К. Грейга на Сицилию, в распоряжение И.А. Заборовского и обязан был помогать по морской части в работе его «комиссии»²².

Тем временем Л. Качони одержал очередную победу. 24 июня 1788 года его флотилия атаковала турецкую крепость на о. Кастелорзо (Кастель Россо), гарнизон которой насчитывал 230 человек. Спустя несколько часов после начала боя турки, видя, что не смогут продолжать сопротивление, спустили с башни крепости свой флаг и при посредничестве греческого митрополита вручили командующему флотилией ключи от крепости. Об этом Л. Качони с гордостью сообщил князю Г.А. Потемкину в письме от 27 июня 1788 года,

отправленном с фрегата «Северная Минерва»²³.

Прибыв в Италию, С.С. Гиббс в начале июля 1788 года отправился на Сицилию, где под его председательством начала работать комиссия по делам «арматоров»-корсаров, вызываемых на ее заседания по требованию российских полномочных представителей и консулов. Еще раньше Гиббс получил приказание С.К. Грейга, чтобы купленные в Триесте капитаном А. Псаро два фрегата под командованием морских офицеров направить в Средиземное море с целью сбора всех корсарских судов и доставки их командиров на заседания комиссии с целью разбирательства их действий.

Однако эти два судна уже были загружены провиантом, купленным в Триесте для отправки на Сицилию, а на имя капитана Войновича нанят весь экипаж. Поэтому Гиббсу пришлось отправить суда по назначению, а затем уже использовать для сбора отлынивающих от явки корсаров. Набор в войска среди местного населения не дал ощутимых результатов ни в Далмации, ни в Славонии. Хотя их население всецело симпатизировало русским, но до прибытия эскадры С.К. Грейга опасалось репрессий со стороны турок и не менее строгих венецианцев²⁴.

Однако надежды на прибытие русской эскадры в Архипелаг не сбылись. В июне 1788 года началась Русско-шведская война (1788 – 1790), в ходе которой против России оформился Тройственный союз в составе Англии, Пруссии и Голландии. Английские власти отказались предоставить русским кораблям право захода в свои порты для ремонта, пополнения запасов и отдыха экипажей во время перехода из Кронштадта в Архипелаг.

В высочайшем указе адмиралу С.К. Грейгу от 25 июля 1788 года Екатерина II, говоря об Архипелагской экспедиции, отметила, что «для собственного вашего единственно знания, скажу здесь, что она, по крайней мере в нынешнем году, состояться не может. Нельзя теперь отделить столь знатную часть флота, да и не хочу лишиться для здешнего моря толь искусного и храб-

рого предводителя, каковым по справедливости вас почесть можно»²⁵.

Более озабоченная теперь обороной «эстляндских и других берегов», императрица полагала все же, что «до времени нужно конечно сохранить в неприкосновенной тайне, что посылка флота в Средиземное море подвержена сомнению, а напротив того должно распускать слух и давать все виды, что то исполнится, ибо ожидание того удерживает турков в страхе и служит вместо диверса, заставляя их иметь не малое число судов на Белом море (Архипелаге), а сим уже и облегчатся действия черноморского флота, дабы он при настоящем упадке турецкой морской силы мог свободнее воспользоваться поверхностью, куда они и паки успеют собраться. Впрочем Я признаюся, что весьма полезно было бы *отрядить хотя бы небольшую эскадру в Средиземное море для вящего утверждения сей диверсии и для подкрепления народов христианских, готовых поднять оружие противу турок...* (курсив наш. — Авт.)»²⁶.

Вскоре генерал И.А. Заборовский, находившийся со своей группой в пути, во Франции, получил от русского посланника в Венеции «манифест» о начале войны со Швецией и о повелении флоту под началом С.К. Грейга действовать против шведских морских сил. Из Вены Заборовского уведомили, что и сухопутные войска по этой причине не придут на Средиземное море. Все это, однако, не остановило генерала в намерении выполнить порученную ему миссию. По его словам, «желание всех христианских народов видеть флот наш в Средиземном море столь велико», что он не преминул сообщить об этом гофмейстеру графу А.А. Безбородко в письме от 7 августа 1788 года из Булони²⁷.

Уже на пути в Италию И.А. Заборовский 12 августа получил два высочайших повеления Екатерины II и письмо графа А.А. Безбородко. Генералу предписывалось приостановить на местах закупки провизии для русского экспедиционного корпуса, но, в опровержение появившихся слухов об отмене отправки русской эскадры в связи

с началом войны со Швецией, повсеместно разъяснять высочайшее повеление о «неукоснительном прибытии сюда флота и сухопутных войск».

Майору Л. Качони милостиво даровалось монаршее прощение за превышение полномочий. В письме Безбородко от 25 сентября 1788 года, отправленном уже по прибытии на место, из Ливорно, Заборовский вновь напоминал, что все христианское население Албании, Далмации и Мореи с «крайней нетерпеливостью» ожидает прибытия эскадры с Балтики, чтобы поступить на русскую службу и бороться против турок, «беспреданно их терзающих». Почти каждый день к российскому эmissару являлись «толпы людей» с такими намерениями. Впрочем, как турецкие, так и венецианские подданные опасались поступать на русскую службу до прибытия флота из России. Заборовскому пришлось даже проинструктировать своих вербовщиков, чтобы те не принуждали к этому греков раньше времени²⁸.

Группе Заборовского предписывалось также подготовить восстание, завербовать на русскую службу несколько тысяч славян и греков и снарядить флотилию корсарских судов²⁹. Для формирования флотилии «арматорам» направили предписания явиться в комиссию, а генерал со своими подчиненными не упускал ни одного случая вооружать новые суда. Только в середине сентября он выдал два каперских патента шкиперам судов, находящихся в Ливорно. Они должны были вести поиск не только турецких, но и шведских судов, которые во множестве приходили в порты Средиземного моря, не опасаясь пока русских корсаров³⁰.

По приезде в Италию И.А. Заборовский направил одного из находящихся в его распоряжении обер-офицеров на Мальту, а другого — к скутарскому паше. Сам он выехал через Венецию в Тоскану, где осмотрел принятых на русскую службу 70 корсиканцев и велел отправить их в Сиракузы. Правда, бригадиру В. Мещерскому предписали воздержаться впредь от набора

корсиканцев³¹. Любопытно, что в ходе вербовки последних среди подавших прошение оказался, по словам Заборовского, 20-летний лейтенант Наполеон Бонапарт, впрочем, не согласившийся поступить на службу чином ниже, как это было принято в русской армии для иностранцев³².

Сотрудники русской миссии установили связи с представителями христианского населения Далмации, Албании и Мореи, с нетерпением ожидавшего прибытия российской эскадры, чтобы поступить на русскую службу и сразиться с турками. Однако после того как Заборовский получил высочайшее повеление о прекращении заготовления и закупки продовольствия для эскадры Грейга и русских войск, греки и балканские славяне, прослышав о начале войны между Россией и Швецией, начали колебаться, усомнившись в появлении русских сил. Заборовский, чтобы успокоить союзные России народы, разослал повсеместно письма с уверениями в скором прибытии флота с Балтики. В отношении формирования корсарских флотилий генерал видел результаты своих усилий более чем скромными, называя их даже «безуспешными»³³.

В целом экспедиция И.А. Заборовского не дала тех результатов, которых от нее ожидали. Екатерина II даже считала, что она не удалась³⁴, чего нельзя сказать о корсарах на русской службе — они как раз действовали вполне успешно.

В одном из боев, близ о. Скорпанта, корабль Л. Качони и два захваченных им приза, оторвавшись от своей флотилии из девяти кораблей, встретились с восемью турецкими. Три из них отделились от своего отряда, чтобы догнать греков и отбить захваченные ими призы. С остальными морякам Л. Качони пришлось сражаться в одиночку с полудня до наступления темноты. Получив серьезные повреждения, турецкие суда, едва поправив паруса, бросились в бегство. Потери же греков оказались минимальными³⁵.

Действия корсарской флотилии не позволили туркам перебросить воинские контингенты с островов Архипелага

в Черное море и наделали много шума в Леванте. Поскольку вести о громких боевых успехах греческих корсаров быстро достигли Константинополя, командованию турецкого флота пришлось направить из столицы в Архипелаг для борьбы с корсарской флотилией 18 кораблей.

В одном из боев с турецким отрядом, в состав которого входил даже линейный корабль, Л. Качони, несмотря на то что его суда получили повреждения от огня турок, сумел отбиться от шести неприятельских кораблей, захватив восемь пленных. Стремясь быть обласканным и награжденным Екатериной II за свои деяния, он обратился к князю Г.А. Потемкину с ходатайством о ниспослании монаршего «благоволения»³⁶. Успехи Л. Качони в борьбе против общего врага и серьезный резонанс, вызванный действиями корсаров, обратили на себя внимание императрицы. Последовало высочайшее повеление «привлечь сию флотилию в собственное свое служение... платить все издержки и содержание оной»³⁷.

Во второй половине октября 1788 года в Триест прибыла, по окончании крейсерства, корсарская флотилия Л. Качони из девяти кораблей. Пятьсот греков-волонтеров из их экипажей томились в карантине, устроенном австрийскими властями. Дело в том, что неаполитанское правительство запретило впускать российских «арматоров» в свои порты, так что капитан генерал-майорского ранга С.С. Гиббс, находившийся на Сицилии, неосмотрительно предписал им, не согласовав с И.А. Заборовским, собираться в Триесте. Узнав об этом, глава русской миссии немедленно направил к Гиббсу нарочного с известием об отмене отданного им распоряжения и с приказанием корсарам базироваться на Мальту.

Однако судно с распоряжениями Гиббса уже ушло в море. Стремясь исправить ошибку, Заборовский направил бригадира князя В. Мещерского, с некоторой суммой на починку кораблей флотилии, в Триест, чтобы добиться от австрийских властей сокращения времени карантина для кораблей

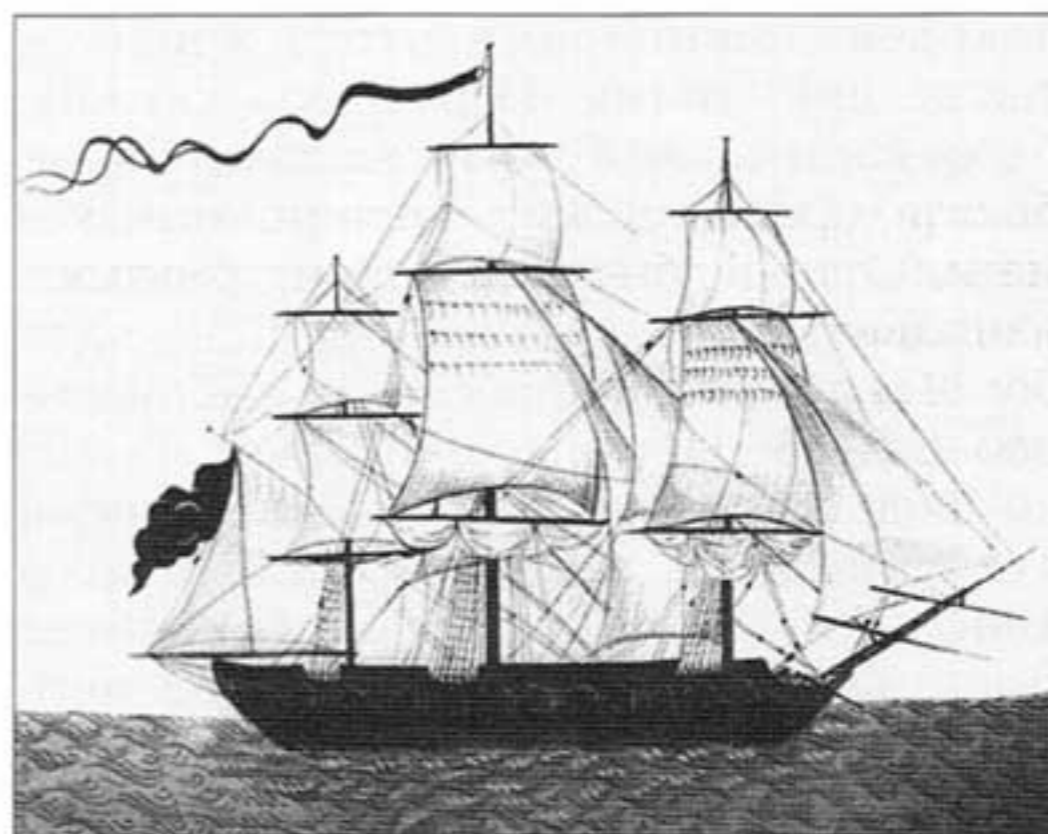
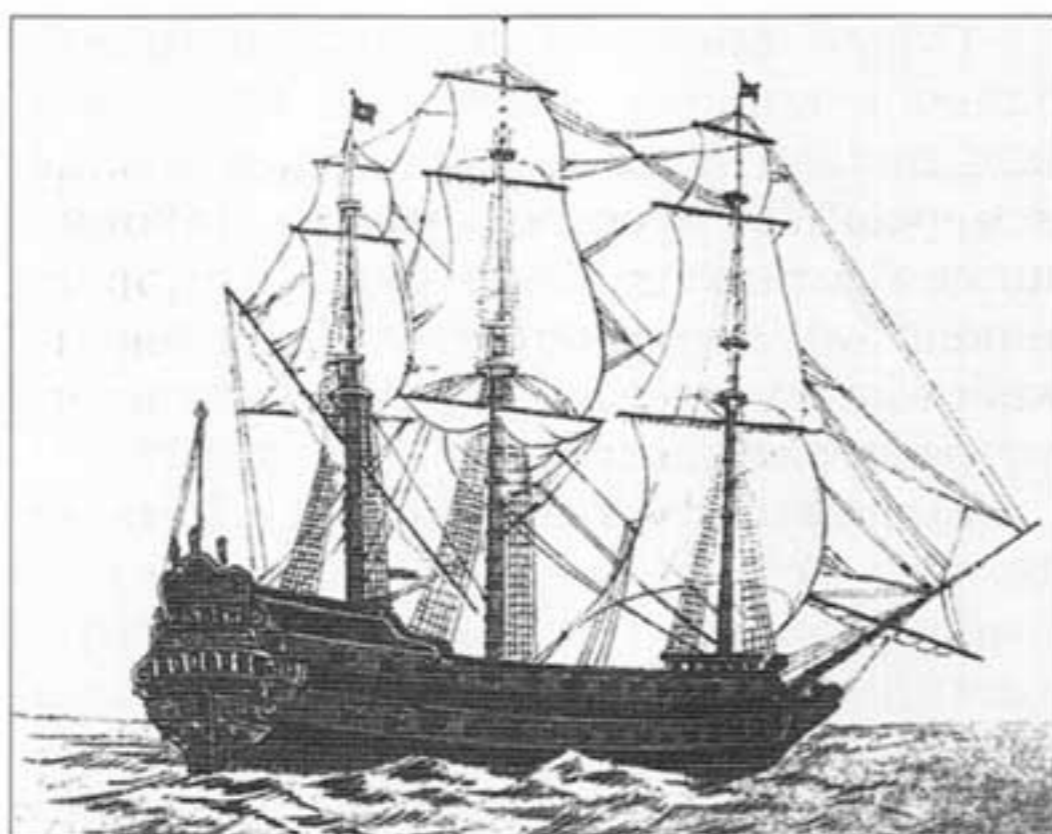
Л. Качони и поскорее выпроводить их в Архипелаг. Сам же генерал отправился в Неаполь, чтобы выслать в море все суда под русским флагом, находившиеся в портах Сицилии. Следовало в полной мере использовать эффект от действий храброго грека, нагнавшего много страха на турок³⁸.

К этому стремился и сам Л. Качони. Практически на «собственный кошт», не вводя в большие расходы российскую казну, хотя и нуждаясь в средствах, он приступил к подготовке нового похода, ремонту и усилению вооружения судового состава своей флотилии. В этом ему, как протеже князя Г.А. Потемкина, оказывал большое материальное и финансовое содействие местный купец Николай Жоржио.

Однако вскоре в Триесте на флотилии произошли, по словам И.А. Заборовского, «замешательство и остановка». В. Мещерский арестовал Л. Качони за то, что тот будто бы несправедливым отношением к грекам, служившим на его флотилии, довел их до «возмущения». В результате грубых и неосторожных поступков Мещерского австрийцы заточили Л. Качони под стражу в замок. Его оставили даже близкие друзья, и в этих критических обстоятельствах Н. Жоржио, не жалея денег и усилий, сделал все возможное для освобождения грека и сохранения личного состава флотилии.

После вмешательства Заборовского, предписавшего немедленно освободить командующего флотилией и заплатившего за него 25 000 флоренов долга, Л. Качони вышел на свободу. Деньги, привезенные В. Мещерским, пошли на исправление получивших повреждения судов и их снабжение «всем нужным к мореплаванию». Все эти средства Л. Качони обязался вернуть за счет будущих призов. Генерал Заборовский распорядился, по его просьбе, выдать для флотилии на два месяца провиант из казенных складов в Триесте³⁹.

Однако «жестокая» зима в Триесте несколько нарушила эти приготовления. Ход ремонтных работ замедлился, но к середине декабря 1788 года, как доносил Заборовский Потемкину,

http://Barbaros_Bir_Deniz_Imparatorlugu_A_Sea_Empire

Корабли турецкого флота. С рисунков XVIII века

их успели завершить. В это время на Сицилии, в Сиракузах, где находилось русское командование (комиссия), координировавшее действия морских сил на Средиземном море, на казенный кошт велась подготовка нескольких судов к ведению крейсерских операций. Предполагалось, что после их присоединения к Л. Качони объединенная флотилия будет действовать в Архипелаге «для нанесения вящего вреда неприятелям» — туркам и шведам. Общее руководство подготовкой флотилии и составление плана боевых действий возлагались на С.С. Гиббса⁴⁰.

В «ордере» от 14 января 1789 года, подписанном В. Мещерским, содержалось указание Л. Качони немедленно со всей флотилией (по высочайшему повелению она получила статус легкой российской флотилии) выйти из Триеста под русским флагом и следовать в Сиракузы, где поступить в распоряжение С.С. Гиббса.

Поскольку корабли под командованием Л. Качони рассматривались теперь не как корсарские, а как часть российской легкой флотилии, на них следовало нести службу, поддерживать порядок и воинскую дисциплину согласно российским законам. Так как все ее корабли прошли ремонт, были снабжены провизией на два месяца и им не требовалось заходить по пути в какой-либо порт, «наистрожайше» предписывалось следовать прямо в Сиракузы, «стараясь сколь возможно по-

спешать». Получивший повреждение в штормовых условиях или по другим причинам корабль следовало немедленно направлять в ближайший порт, где находился российский консул, откуда, по завершении ремонта, надлежало идти далее в Сиракузы.

Главное — требовалось сохранять честь и славу российского флага, не отступая нисколько от правил «учреждения о корсарах», утвержденного Екатериной II. Всякое встреченное судно под нейтральным флагом следовало «нимало не беспокоить», чтобы загладить «неудовольствия от корсаров», причиненные ими ранее из-за отсутствия инструкции-наставления о ведении операций. На Л. Качони ложилась полная ответственность за неукоснительное исполнение предписаний, и ему на деле следовало оправдать доверие своих патронов и доказать «усердие... к службе монархини», которая, как напоминал В. Мещерский, щедро воздавала за заслуги⁴¹. Впрочем, флотилия Л. Качони почти три месяца продолжала отстаиваться в Триесте.

Тем временем в Мессине на средства российской казны приобрели, отремонтировали и вооружили три фрегата. Командующим этим отрядом назначили принятого на русскую службу мальтийского морского капитана Гульельмо Лоренца, который одновременно командовал фрегатом «Фама» («Фамо»), вооруженным 50 пушками и 12 фальконетами, с экипажем из 250

человек. Офицерами этого корабля, также принятыми на русскую службу, были капитан-лейтенант Анжело Франческо, прапорщики Жизеф Морен и Карл Отто и унтер-лейтенант Люиджи Серафин.

20-пушечными фрегатами «Абонданцо» («Л'Абонданс») с экипажем из 120 человек командовал лейтенант Степан Телесницкий⁴², а «Перфет Алианс» со 100 матросами — армейский капитан Войнович. В офицерский состав первого корабля входили поступившие на русскую службу прапорщики Николай Пересиниани, Марино Скордили и Стамати Егоров, второго — прапорщик Данило Павкович⁴³.

С.С. Гиббс, «не видя охотников в получении корсарских патентов», по приказу И.А. Заборовского приступил к формированию в сицилийском порту Сиракузы второго отряда российской крейсерской флотилии. Командиром 24-пушечного пакетбота «Российский Орел» с экипажем из 90 человек назначили лейтенанта Самуила Дешаплетта⁴⁴. Англичанин на русской службе прапорщик Жорж Шмидт получил под свое начало шебеку «Минерва» с 40 моряками, вооруженную восемью пушками и 12 фальконетами.

К этим двум «казенным» судам, на основании утвержденных Екатериной II «правил для арматоров», по приказу генерала И.А. Заборовского добавили четыре прибывших из Триеста греческих судна, которые также приняли на «казенное содержание».

Шкипер Теодор Лаин в чине прапорщика командовал 16-пушечной шебекой «Св. Екатерина» с экипажем из 50 человек. Прапорщик на русской службе Спирос Калига стал командиром своей поляки (полякры) «Св. Иоанн», вооруженной 16 пушками и восемью фальконетами, с экипажем из 50 моряков. Под началом шкипера Кацори (не имевшего чина) была шебека «Св. Николай» с экипажем в 50 человек, вооруженная 16 пушками и четырьмя фальконетами. Шкипер Пандели, также формально не принятый на русскую службу, командовал 14-пушечным кирлангичем «Св. Николай»⁴⁵ с 50 моряками.

После вооружения и пополнения запасов корабли флотилии поступили под начало лейтенанта С. Дешаплетта. 2 марта 1789 года они вышли из Сиракуз в Архипелаг. Для отряда Г. Лоренца назначили точку рандеву, дабы он мог найти отряд Дешаплетта и вместе с ним устремиться на поиск неприятеля⁴⁶.

Еще 8 января 1789 года князь Г.А. Потемкин, получив соответствующий указ императрицы, подписал в Елисаветграде «ордер», которым майору Л. Качони предписывалось немедленно отправиться из Италии в ставку Потемкина и «поспешить... приездом» для получения «нужных от меня повелений касательно возлагаемой на вас экспедиции»⁴⁷.

Однако, так и не получив этот приказ, Л. Качони со своей флотилией из десяти кораблей 8 апреля покинул Триест. За день до этого он отправил князю Г.А. Потемкину письмо, в котором ходатайствовал о награждении Н. Жоржио за оказанную помощь, поскольку чувство благодарности для Качони всегда являлось «главнейшим правилом всех... поступков».

Согласно плану, флотилии Качони и Лоренца после соединения в море следовало направиться к о. Воллону для нападения на дульциниотов, помогавшим туркам в действиях против австрийского императора в Банате — исторической области на территории нынешней Сербии. Затем планировались операции против идриотов, чтобы воспрепятствовать жителям этого острова отправить в Черное море суда, приготовленные ими по повелению Порты. Далее корабли флотилии направлялись к Дарданеллам и располагались вдоль линии Афонская гора — Лемнос — Тенедос с целью пресечь подвоз продовольствия в Константинополь из Архипелага, Египта, Анатолии и Румелии⁴⁸.

Несмотря на то, что в Архипелаге теперь действовала российская эскадра, состоящая из «казенных судов», из-за прошлых подвигов корсарской флотилии Л. Качони (хотя и действовавшей прежде под военным флагом) и турки, и подданные нейтральных стран продолжали считать их корсарскими. Обеспеченный этим С.С. Гиббс, произведен-

ный в апреле в контр-адмиралы, в письме графу А.А. Безбородко из Сиракуз от 23 мая 1789 года сетовал на то, что ему неизвестен статус флотилии под командованием майора Л. Качони. Если бы последний действовал на основании правил для корсаров, как считал Гиббс, то он не только не имел бы права носить на своих судах военный флаг, но и был обязан внести в «коллегию», надзирающую над арматорами, залог в сумме 20 000 руб. за каждое судно. Этим бы компенсировались убытки судовладельцев, «обиженных» корсарами⁴⁹.

Тем временем флотилия лейтенанта С. Дешаплетта приступила к активным действиям. У местечка Капо Исидора его моряки уничтожили построенную там шебеку, приготовленную к отправке в Константинополь, в подарок двору султана. Узнав о том, что турецкая эскадра в составе трех линейных кораблей, пяти кирлангичей и двух гальотов находится у о. Стансио, Дешаплетт направился туда. У о. Зеа была обнаружена флотилия Л. Качони из девяти кораблей, но соединение отрядов не состоялось. Подойдя к о. Негропонт (Эвбея), моряки Дешаплетта обнаружили под стенами крепости 20-пушечный военный кирлангич и потопили его. Во всех этих случаях лейтенант С. Дешаплетт показал высокое военное искусство и большую способность к командованию вверенной ему флотилией⁵⁰.

Выйдя из Мессины в море, корабли отряда капитана Г. Лоренца устремились на поиск неприятеля. Моряки смело нападали на торговые суда, прибрежные гарнизоны противника и вступали в бой с турецкими кораблями.

Так, в мае 1789 года «Л'Абонданс» подвергся в Архипелаге атаке 14 турецких кораблей. Неравный бой продолжался более трех часов, фрегат потерял 19 человек убитыми. На требование турок сдаться его командир лейтенант С.М. Телесницкий ответил категорическим отказом и предупредил, что при попытке взять «Л'Абонданс» на abordаж он взорвет его вместе со сцепившимися турецкими кораблями. Решив не связываться со смельчаком, турки отказались от атаки и ретировались⁵¹.

16 июня эскадра С. Дешаплетта соединилась с тремя фрегатами отряда капитана Г. Лоренца и поступила под его командование⁵².

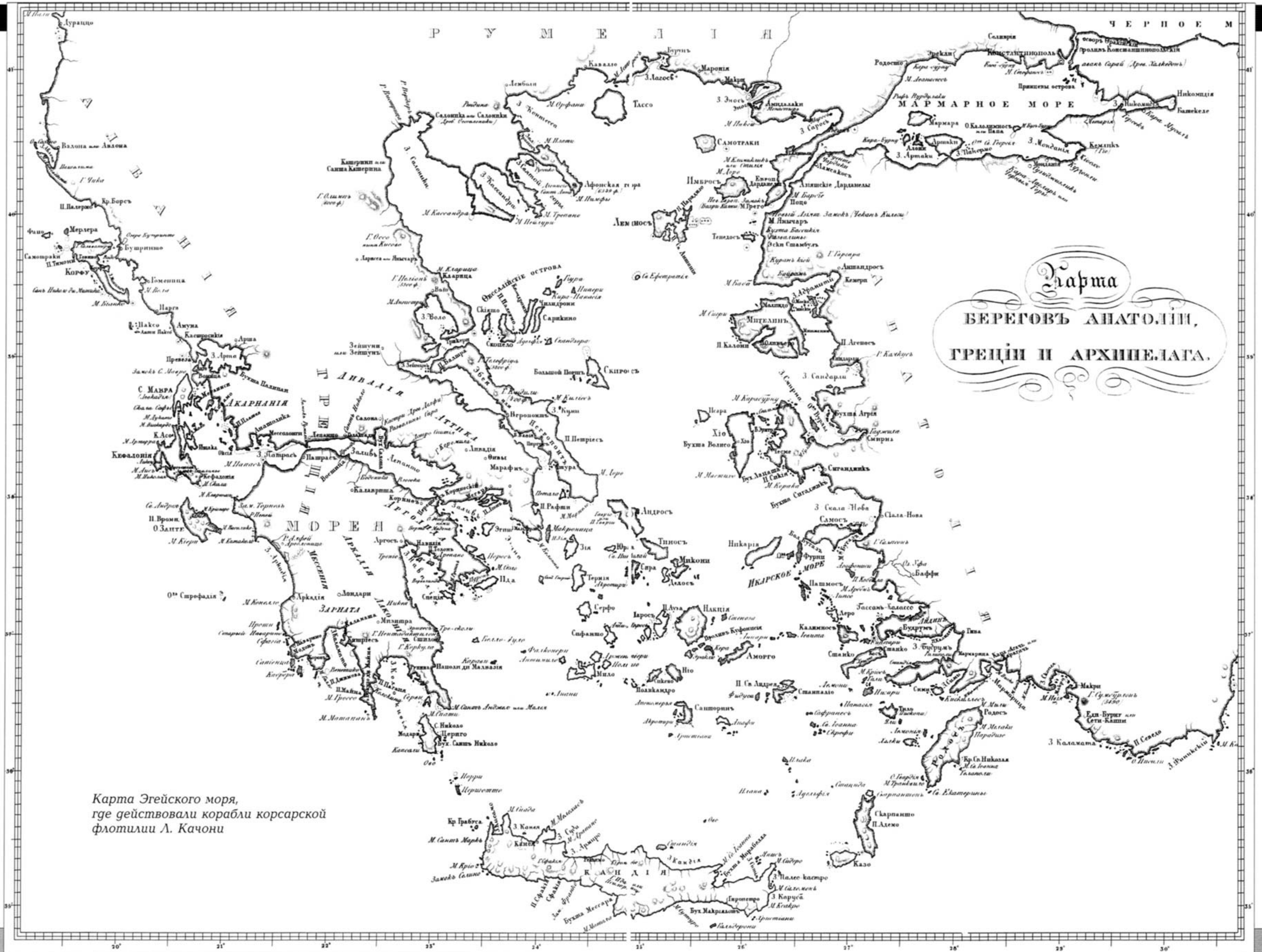
Получив указание Екатерины II возвратиться в Россию, генерал-поручик И.А. Заборовский к июню 1789 года прибыл в Санкт-Петербург. Общее руководство действиями российских вооруженных сил, в частности флотилий, на Средиземном море возлагалось на контр-адмирала С.С. Гиббса. Закупленную для эскадры С.К. Грейга провизию передали для реализации комиссионерам банкира барона Сутерланда⁵³.

После соединения с эскадрой С. Дешаплетта капитан Г. Лоренц известил Л. Качони о необходимости соединения всех кораблей российских флотилий. Подойдя к о. Зеа и узнав, что неприятельские силы находятся в проливе Тино и Микони, Лоренц со своей флотилией направился туда. 23 июля у о. Сиро они встретили турецкую эскадру в составе трех 66-пушечных кораблей, пяти 20-пушечных кирлангичей, двух полугалер и вступили с ней в бой.

Перестрелка продолжалась два дня, все атаки турок были успешно отражены, после чего они отступили. Отсутствие кораблей соединения Л. Качони подвергало флотилию Г. Лоренца большой опасности и не позволило совместными усилиями разгромить противника. Впрочем, 25 июля вдалеке послышались выстрелы корабельных орудий. С пришедшего от эскадры Л. Качони корабля сообщили, что она обстреливает приблизившиеся силы неприятеля. Эффективный артиллерийский огонь с кораблей Качони вынудил турок уйти. Все попытки противника уничтожить русские крейсерские эскадры провалились⁵⁴.

Наконец, 30 июля соединение Г. Лоренца и пять кораблей Л. Качони встретились у о. Идра и направились к о. Тино, где выяснилось, что турецкая эскадра, пополнившаяся четырьмя фрегатами и двумя шебеками, находится на рейде о. Самос.

Г. Лоренц собрал военный совет, на котором Л. Качони заявил, что он ничего знать не хочет и ни от кого — даже

Дарта
БЕРЕГОВЪ АНАТОЛИИ,
ГРЕЦІИ И АРХИПЕЛАГА.

Карта Эгейского моря,
 где действовали корабли корсарской
 флотилии Л. Качони

от графа Орлова — указаний принимать не будет. Грек добавил, что он «главный комендант здешних стран» и «прислан на море начальствовать».

В рапорте на имя С.С. Гиббса капитан Г. Лоренц указывал, что Л. Качони по многим островам Архипелага раздает приказания, угрожая разорить до основания всех, кто без его ведома оказывает помощь российской казенной эскадре. С последней он начал переманивать к себе людей, и многие перешли, польстившись на большее жалованье.

Между командующими эскадрами произошел разрыв. После того как эскадра Лоренца вышла из порта Тина и достигла рейда порта Трио на о. Парос, с нее увидели корабли Л. Качони, взявшие курс на о. Микони. Г. Лоренц посетовал в рапорте, что практически нет надежды, чтобы Л. Качони возвратил российской казне деньги, потраченные на ремонт его кораблей в Триесте, ибо тот, якобы, заявил, что «россияне другой раз в руки свои не достанут уже его»⁵⁵.

В донесении контр-адмирала С.С. Гиббса графу А.А. Безбородко, отправленном из Сиракуз 11 августа 1789 года, указывалось на «непослушание» майора Л. Качони и отказ соединиться с флотилией Г. Лоренца. Особо подчеркивалось «славолюбие и его бесчеловечие» в отношении к греческому населению, недопустимое для начальника эскадры под российским военным флагом. Отмечались невыполнение инструкций генерала И.А. Заборовского, «презрение» к начальству в Сиракузах.

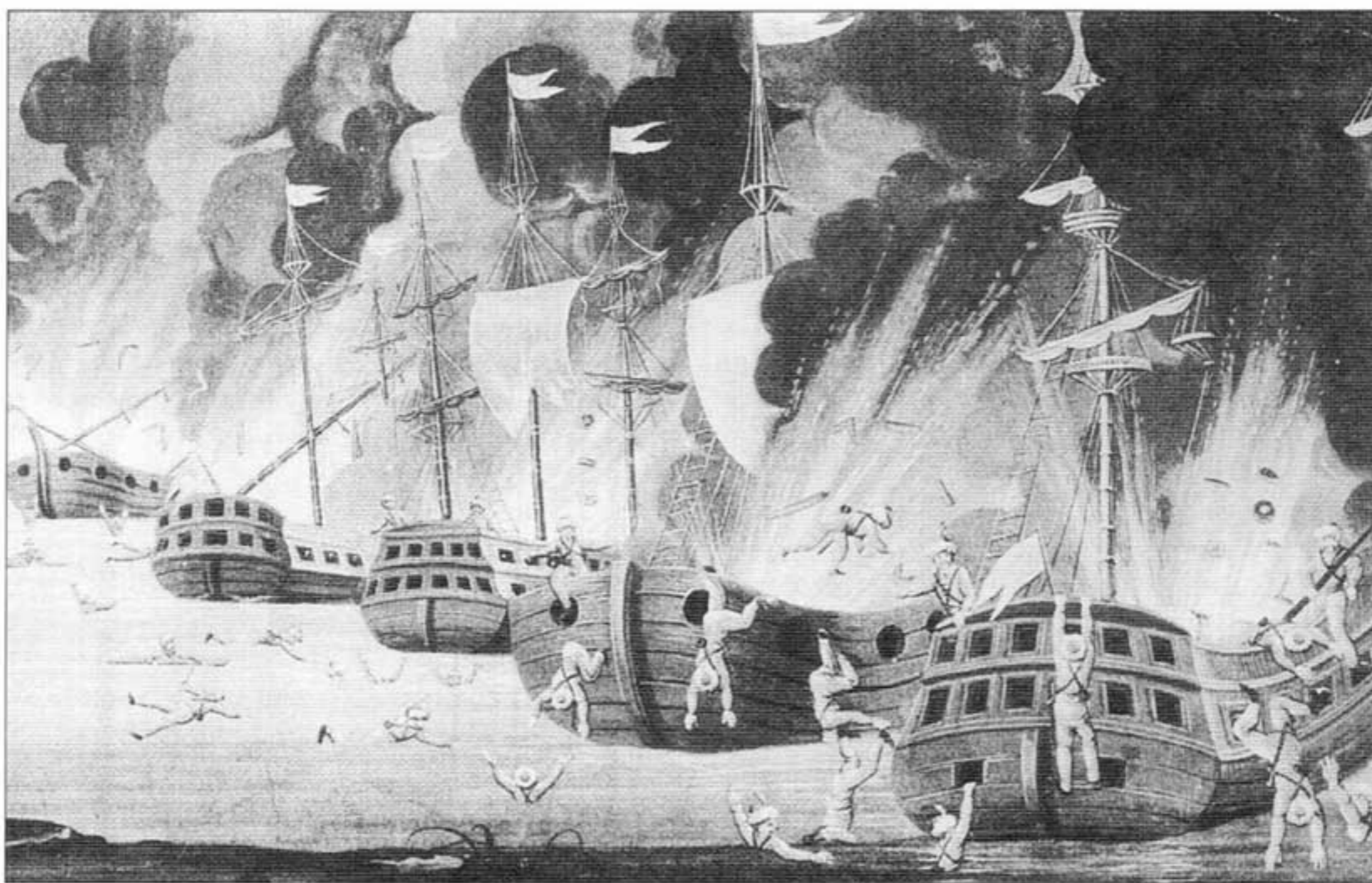
Л. Качони вменялись в вину его слова о том, что он «начальник ни от кого не зависящий и единый комендант всего Архипелага». Количество жалоб на него, по словам Гиббса, все возрастало, многие поступали от греков и подданных нейтральных государств из-за «отнятия судов и прочих обид».

Разрешить все эти претензии можно было только после явки в «комиссию» самого Качони, чего он делать явно не собирался. Гиббс просил у Безбородко повеления, чтобы удержать Качони от

таких поступков, которые бы множили жалобы на него и компрометировали российское военное присутствие на Средиземном море. Поступить, согласно данной ему инструкции, с Качони как с корсаром Гиббс не отважился, потому что грек называл себя начальником не корсаров, а российской императорской эскадры и, возможно, имел секретные инструкции, о которых не хотел сообщить Гиббсу. Ко всему прочему эскадра Качони по силе превосходила эскадру Лоренца, да и обстановка не позволяла применить насилие, что могло разжечь вражду между служившими на обеих флотилиях греками и стать известным неприятелю⁵⁶.

Недостаток провизии и других припасов вынудил капитана Г. Лоренца уйти со своими кораблями из Архипелага, и 29 августа они прибыли в Сиракузы. Лоренц объявил Гиббсу, что не захотел принести свою флотилию в жертву неприятелю, который значительно усилился, после того как русские корабли захватили 36 призов. Л. Качони упрямо продолжал противиться соединению с флотилией Г. Лоренца. Контр-адмирал Гиббс был вынужден отправить ему соответствующий приказ, который доставил по назначению капитан-лейтенант А. Франческо. В ответ Качони якобы произнес: «Анжело! Я тебе сказываю, что одного генерала, т. е. Заборовского, выжил из здешних мест, а другого уже ничего не стоит». Гиббсу пришлось предпринять «всевозможные старания», чтобы снабдить флотилию Лоренца всем необходимым и «выпроводить» ее обратно в Архипелаг⁵⁷.

Активные действия русских крейсерских флотилий в Архипелаге и на подходах к Дарданеллам заставили турецкое командование выделить для борьбы с ними и защиты своих морских коммуникаций значительные силы. Временами в их состав входили три линейных корабля, восемь фрегатов и шесть более мелких судов. Это значительно ослабило турецкий флот на Черном море. Кроме того, набеги русских корсаров на побережье вынуждали Турцию держать на Средиземном море крупные отряды сухопутных

Бой в проливе между островами Андрос и Эвбея между флотилией Л. Качони и соединением турецко-алжирских кораблей 17–18 мая 1790 года (Пряхин Ю.Д. Ламброс Качонис. СПб.: Алетейя, 2004)

войск, перебрасывая их из основных районов боевых действий⁵⁸.

В кампаниях 1789 и 1790 годов русские крейсерские флотилии продолжали наращивать удары по противнику. Они выполняли поиск торговых судов, их досмотр и уничтожение, вели жестокие бои с неприятельскими кораблями.

Один из них, произошедший 17–18 мая 1790 года в проливе между островами Андрос и Эвбея, закончился тяжелым поражением Л. Качони. Ядро его флотилии было разбито превосходящими силами турок, часть людей погибли и попали в плен, сам он получил ранение и чудом спасся*. Однако, собрав уцелевшие корабли, он продолжил борьбу на коммуникациях, нанося удары по врагу. За боевые подвиги высочайшим повелением от 29 июля 1790 года к тому времени подполковни-

ка Л. Качони произвели в чин полковника, а 12 сентября того же года наградили орденом Св. Георгия 4-й степени. Храбрый грек получил имение в Тавриде и был осыпан другими милостями Екатерины II⁵⁹.

По окончании Русско-шведской войны императрица Екатерина II «препоручила начальству» князя Г.А. Потемкина российские морские силы, находящиеся в Средиземном море и Архипелаге. На месте ими по-прежнему командовал контр-адмирал С.С. Гиббс. 24 декабря 1790 года Потемкин направил генерал-майору В.С. Томаре «ордер», в котором сообщал, что между полковником Л. Качони и генерал-майором А. Псаро случились раздоры, которые весьма вредят службе.

Для того чтобы объективно разобраться на месте в ситуации, выполнив

* В этом бою с 20 турецкими и 11 алжирскими (подошли утром 18 мая 1790 г.) кораблями Л. Качони потерял пять из семи своих кораблей, в том числе флагманский фрегат «Минерва Северная» (Пряхин Ю.Д. Ламброс Качонис. СПб.: Алетейя, 2004. С. 74). — *Ред.*

в точности предписания князя, и сообщить ему результат проверки, тот поручил В.С. Томаре, которого назначил своим доверенным лицом, немедленно отправиться в Вену. Там с помощью российского посла следовало получить необходимые предписания австрийским начальникам в Триесте и в прочих приморских местностях об оказании содействия доверенному лицу Г.А. Потемкина. В Триесте необходимо было увидаться с С.С. Гиббсом и, приняв от него отчет о состоянии русских морских сил, как можно скорее донести Потемкину о мерах для приведения флотилии в боеспособное состояние⁶⁰.

Отмечая известную храбрость и предприимчивость Л. Качони, которому доверяли греки, Г.А. Потемкин считал, что «с добрыми наставлениями» тот более других способен к поиску неприятеля, на что и уполномочивался В.С. Томара.

Генерал-майору А. Псаро предписывалось остаться «при своем poste», не вмешиваясь в дела флотилии. Потемкин написал Гиббсу, чтобы тот приехал к нему «для лучшего объяснения», уговорив отправиться в Россию «подполковника Лоренция Гульгельми (Гульельмо Лоренц. — Авт.)», которого князь собирался использовать в «важных случаях» на Черном море⁶¹.

По мнению Потемкина, важнее всего было приобрести доверие единоверцев, страдавших под магометанским игом. Князь получил противоречивые письма от разных греческих обществ: одни жаловались на Качони, другие были им довольны. Генерал-майору Томаре предписывалось привести греков к согласию, чтобы они вместе могли действовать против общего врага. По аккредитиву, выданному Потемкиным Томаре, в Вене следовало получить 15 000 червонных для снабжения и ремонта судов флотилии. На те же нужды и на проезд выдавалось 2000 червонных. Потемкин потребовал как можно скорее известить его о состоянии флотилии через нарочного⁶². Удалось ли Томаре выполнить свою деликатную миссию, еще предстоит выяснить...

Между тем, боевые действия длились еще почти год, и война с турками завершилась подписанием 29 декабря 1791 года в Яссах мирного договора. Однако для Л. Качони на этом борьба против османского ига не закончилась. Посчитав, что мир с турками заключен без учета интересов греческого народа, он заявил, что не сложит оружие, и объявил об этом в специальном воззвании в мае 1792 года. Фактически это был мятеж против российского правительства. Не имея поддержки Петербурга, Качони уже в конце июня потерпел поражение под ударами крупных турецких сил. Противнику достались 11 поврежденных и затопленных кораблей корсарской флотилии и разбитые укрепления. С помощью местных жителей Л. Качони и части его людей удалось спастись⁶³.

Перебравшись на о. Итака в Ионическом архипелаге, Качони и его моряки начали собирать силы для продолжения вооруженной борьбы. Венецианские власти, под давлением турок и их союзников, отказали грекам в убежище, и тем пришлось скрываться в течение двух лет. Только в 1794 году Л. Качони, через консула в Триесте, разрешили вернуться в Россию, и в октябре он прибыл в Херсон к командиру Черноморского флота и портов Черного моря вице-адмиралу Н.С. Мордвинову⁶⁴.

Летом 1795 года Л. Качони (так его иногда называли) выполнил важное поручение Мордвинова. Тот предлагал построить новый гребной флот, основу которого составили бы не галеры, а бомбардирские боты (гребные канонерские лодки), вооруженные одним-двумя орудиями с боезапасом из 20 бомб. Н.С. Мордвинов направил Л. Качони на испытания прочности корпуса корабельного барказа ста выстрелами из установленной на нем пушки, которые не вызвали его повреждений, не считая слабой течи. Было также выяснено, что для боевого использования канонерских лодок достаточно боезапаса из бомб⁶⁵.

В конечном счете, при заступничестве многих видных сановников России Л. Качони, в воздаяние неоспоримых

боевых заслуг перед своим новым Отечеством, получил все милостивейшее прощение. В сентябре 1795 года в Царском Селе его приняла Екатерина II, что открыло для Л. Качони двери многих аристократических салонов.

После смерти императрицы Л. Качони предложил новому императору Павлу I свои услуги в борьбе с французами на хорошо знакомом ему средиземноморском театре, но его замыслы не нашли применения. Затем Л. Качони в Крыму занимался винокурением, сельским хозяйством и морской торговлей. В 1805 году близ Керчи он трагически погиб в возрасте 53 лет⁶⁶.

После окончания Русско-турецкой войны 1787–1791 годов офицеры, отличившиеся в боевых действиях

корсарской флотилии в Средиземном море, не были забыты. Так, в феврале 1794 года Екатерина II повелела лейтенанта С.М. Телесницкого «в уравнение с сверстниками его по черноморскому флоту, в следующие чины поступившими», произвести в капитан-лейтенанты. В апреле того же года ее указом мичманов Г. Шмита и И. Морено, служивших во время минувшей войны с турками на Средиземном море, во флотилии под командованием генерал-майора В.С. Томары, перевели на Черноморский флот в чине лейтенантов⁶⁷.

Славное имя Ламбро Качони глубоко почитаемо в Греции и не забыто в России. Общеизвестный национальный герой Греции навеки вошел в историю Российского флота.

Примечания

- ¹ Русские и советские моряки на Средиземном море. М.: Военное издательство, 1976. С. 54; Сибирева Г.А. Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М.: Наука, 1981. С. 50.
- ² Материалы для истории русского флота (далее — МИРФ). Часть XIII. СПб., 1890. С. 246, 247.
- ³ Там же. С. 248–250.
- ⁴ Пряхин Ю.Д. Полковник и кавалер Ламброс Качонис (Качони) в боевой летописи флота России // Греки в истории флота России: Тезисы докладов на международной научной конференции. Санкт-Петербург, 15–16 апреля 1999 года. СПб., 1999. С. 67.
- ⁵ МИРФ. Часть XV. СПб., 1895. С. 54.
- ⁶ Там же. С. 74, 75.
- ⁷ Вероятно, та самая «Пчела», шкиперу которой Семену Пустошкину в 1786 г. был выдан фирман турецкого султана для свободного плавания в Средиземное море. См.: Автографы Петра Великого в фондах РГАВМФ. Каталог. СПб., 2002. С. 13. По-видимому, в канун Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. С.А. Пустошкин, с 1783 г. служивший на Черноморском флоте, впоследствии видный деятель Российского флота, адмирал, выполнял на «Пчеле» особые задания по разведке будущего театра военных действий.
- ⁸ МИРФ. Часть XV. СПб., 1895. С. 76.
- ⁹ Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁰ МИРФ. Часть XV. СПб., 1895. С. 78.
- ¹¹ Там же. С. 89, 90.
- ¹² Русские и советские моряки... С. 54.
- ¹³ Пряхин Ю.Д. Указ. соч. С. 68.
- ¹⁴ МИРФ. Часть XIII. СПб., 1890. С. 252.
- ¹⁵ Там же. С. 249.
- ¹⁶ Там же. С. 252, 253.
- ¹⁷ Там же. С. 253.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 254.
- ²⁰ Там же. С. 254, 255.
- ²¹ Там же. С. 255.
- ²² Там же. С. 257.
- ²³ Там же. С. 275.
- ²⁴ Там же. С. 282.

- 25 Там же. С. 315.
26 Там же. С. 316.
27 Там же. С. 331.
28 Там же. С. 381, 382.
29 Русские и советские моряки... С. 54.
30 МИРФ. Часть XIII. СПб., 1890. С. 382.
31 Там же. С. 525, 526.
32 Русские и советские моряки... С. 54.
33 МИРФ. Часть XIII. СПб., 1890. С. 526.
34 *Сибирева Г.А.* Указ. соч. С. 51.
35 МИРФ. Часть XIII. СПб., 1890. С. 395.
36 Там же.
37 *Пряхин Ю.Д.* Указ. соч. С. 68.
38 МИРФ. Часть XIII. СПб., 1890. С. 394, 526.
39 Там же. С. 395, 507, 526.
40 Там же. С. 395, 403.
41 Там же. С. 491, 492, 508.
42 С 10.01.1785 г. мичман, 3.02.1787 г. был зачислен в состав готовившейся кругосветной экспедиции под началом капитана 1 ранга Г.И. Муловского.
43 МИРФ. Часть XIII. СПб., 1890. С. 567, 569, 570.
44 Выпускник Морского шляхетного кадетского корпуса, мичман с 20 апреля 1786 г., лейтенант с 10.05.1788 г.
45 «Св. Николай» — весьма распространенное наименование греческих и прочих судов христианского населения бассейна Средиземного моря.
46 МИРФ. Часть XIII. СПб., 1890. С. 567 — 570.
47 Там же. С. 489.
48 Там же. С. 507, 508.
49 Там же. С. 524.
50 Там же. С. 568.
51 Русские и советские моряки... С. 55.
52 МИРФ. Часть XIII. СПб., 1890. С. 568.
53 Там же. С. 525, 526.
54 Там же. С. 568.
55 Там же. С. 568, 569.
56 Там же. С. 567.
57 Там же. С. 602.
58 Русские и советские моряки... С. 55.
59 *Пряхин Ю.Д.* Указ. соч. С. 69.
60 МИРФ. Часть XV. СПб., 1895. С. 578.
61 Там же.
62 Там же.
63 *Пряхин Ю.Д.* Указ. соч. С. 69.
64 Там же.
65 МИРФ. Часть XV. СПб., 1895. С. 491.
66 *Пряхин Ю. Д.* Указ. соч. С. 70.
67 МИРФ. Часть XV. СПб., 1895. С. 449, 450.